

Сетевая парадигма и современное государство в юридических исследованиях начала XXI в.¹

Аннотация. Сетевая парадигма предполагает взгляд на общество как на открытую, многоуровневую, децентрализованную систему взаимодействий. Социальной концепции сетевого общества терминологически соответствует идея сетевого государства; сетевое государство характеризуется децентрализацией власти, приоритетом горизонтальных связей, едва ли не равноправным положением государства среди иных политических акторов. Юридическая наука не склонна преувеличивать роль сетей и исходит из необходимости суверенной государственной власти, обязательного наличия иерархических властеотношений. Тем не менее важно видеть как новые возможности, которые предоставляют для института государства сетевые технологии, так и соответствующие риски. Достоинства и недостатки сетевых стратегий относительно слабо известны современной юриспруденции, и здесь перспективны исследования на стыке юридической науки и политологии, социологии, науки управления. Сетевая методология вполне органично может быть включена в методологический инструментарий юриспруденции. В то же время многие проблемы теории сетевого общества и сетевизации деятельности государства юридическая наука отражает в своих понятиях и категориях, без использования «сетевой» терминологии.

Ключевые слова: сеть; сетевая парадигма; сетевое общество; сетевое государство; суверенитет государства; сетевое управление; цифровое управление; децентрализация власти; иерархия власти; вертикаль власти.

Для цитирования: Липень С. В. Сетевая парадигма и современное государство в юридических исследованиях начала XXI в. // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 10. — С. 11—19. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.011-019.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16124.

© Липень С. В., 2020

* Липень Сергей Васильевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
lipen.sia@gmail.com

The Network Paradigm and the Modern State in Legal Studies at the Beginning of the 21st Century²

Sergey V. Lipen, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
lipen.sia@gmail.com

Abstract. A network paradigm involves looking at the society as an open, multilayered, decentralized system of interactions. A social concept of the networked society terminologically corresponds to the idea of the network state; the network state is characterized by decentralization of power, priority of horizontal relations, almost equal position of the State among other political actors. Legal science does not tend to exaggerate the role of networks and relies on the need for sovereign state power, the mandatory existence of hierarchical power relations. Nevertheless, it is important to see both the new opportunities that network technologies provide for the institution of the State and the corresponding risks. Modern jurisprudence knows both the advantages and disadvantages of network strategies relatively badly, and promising research is being carried out at the intersection of legal science and political science, sociology, and management science. The network methodology can be integrated seamlessly into the jurisprudence methodological toolkit. At the same time, legal science reflects many problems of the theory of the network society and networkization of the state activity in its concepts and categories without the use of “network” terminology.

Keywords: network; network paradigm; network society; network state; state sovereignty; network management; digital management; decentralization of power; hierarchy power; vertical of power.

Cite as: Lipen SV. Setevaya paradigma i sovremennoe gosudarstvo v yuridicheskikh issledovaniyakh nachala XXI v. [The Network Paradigm and the Modern State in Legal Studies at the Beginning of the 21st Century]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(10):11-19. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.011-019. (In Russ., abstract in Eng.).

«Сетевая» терминология в разных интерпретациях с начала XXI в. прочно входит в оборот гуманитарных наук, исследующих институт государства и властотношения, — философии, социологии, политологии, государственного управления и др. Это и неудивительно, «сетевая парадигма» (Г. Бейтсон и др.), «сетевое общество» (М. Кастельс и др.) исходят из новых коммуникативных возможностей, появившихся в конце XX в., и достаточно точно отражают социальные и политические реалии общества эпохи четвертой промышленной революции.

Сетевая парадигма как методологический концепт в рамках системного подхода предполагает видение реальности как открытой, многоуровневой и децентрализованной системы взаимодействий, в которой элементы находятся в отношениях не господства и подчинения, а

синергетической взаимосвязи. Обязательным элементом в концепции сетевой парадигмы, согласно Г. Бейтсону, выступает система обратных связей, которая предполагает активные изменения со стороны других элементов системы в ответ на изменения со стороны кого-то либо элемента; обратная связь, таким образом, — это реакция системы, стремящейся восстановить баланс в случае его нарушения.

В социальном плане сетью является деятельностное пространство, создаваемое и поддерживаемое узлами (центрами) активности и каналами связи. Сети предусматривают правила игры, необходимые для совместных действий двух или более участников для достижения целей каждого из них. «Сетевая власть», которой обладают узлы (центры), проистекает из способности узла обладать уникальной компетенцией, информацией; каждый узел рассматривается

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16124.

не просто как передатчик, а как трансформатор проходящих через него потоков, способный изменять их свойства, менять направление их движения, запускать новые потоки. Сетевая логика не признает системного доминирования узлов, значимость каждого узла обусловлена его способностью к обработке информации; с точки зрения этого качества можно выделить главные (критические) узлы. Сеть обычно рассматривается как открытая, незамкнутая, имеющая гибкую конфигурацию и возможность расширяться до бесконечности; каждый узел может покинуть сеть или подключиться к ней, при этом каждый раз сеть заново реорганизуется³.

Это не единственный вариант социальных характеристик сети, как отмечают исследователи⁴, концепция сетевого общества разрабатывалась практически одновременно в разных дисциплинах на основе различной методологии, поэтому она может выстраиваться по-разному, давать разные ответы на экономические, социальные, политические и правовые вопросы.

Сетевая парадигма и децентрализация политической власти

Как результат осмысления современной государственности, существующей в современном сетевом обществе, появляется и идея сетевого государства. Современное демократическое государство, основанное на демократии, признании прав человека, периодических выборах и сменяемости властвующих элит, зависимое от гражданского общества и связанное с ним многочисленными связями, хорошо вписывается в парадигму сетевого общества. Подход, выраженный в том числе и в сетевой терминологии, рассматривает государство в качестве одной лишь из многих сторон политического процесса, делая акцент на политическом уча-

стии, взаимодействии субъектов, каждому из которых свойственны свои политические роли.

Так, для М. Кастельса, рассуждающего о децентрализации властных полномочий и «новой форме государства» — «сетевом государстве», политика в сетевом обществе становится неким театром, а политические институты — скорее агентствами по заключению сделок, чем местами власти⁵. Подобные взгляды не являются характерными именно для концепции сетевого государства, они в разных интерпретациях активно развиваются в западной политической науке со второй половины XX в. К примеру, концепция полиархии Р. А. Даля исходит из распределения власти среди плюралистического множества разнообразных и относительно автономных организаций, деятельность которых не охватывается государственным управлением.

Позже миру являются идеи постиндустриальной эволюции института государства в условиях глобализации. С одной стороны, постиндустриальное демократическое общество влечет значительное усложнение социальных связей и кризис традиционной системы государственного управления, неспособной справиться с новыми задачами. Поэтому ключевой тенденцией трансформации института государства может быть только децентрализация власти, адекватная многообразию децентрализованных общественных отношений. Само государство испытывает воздействия разной направленности как изнутри, так и извне: есть стремления, с одной стороны, перевести решение многих политических проблем на уровень международных организаций, с другой — на уровень внутригосударственных регионов, в результате мы имеем кризис идеи суверенного национального государства (Э. Тоффлер). Процессы глобализации приводят к снижению возможностей государства по контролю над перемещением и проникновением в страну финансовых и ин-

³ Назарчук А. В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 62—63 ; Павлютенкова М. Ю. Роль и место социальных сетей в публичной политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Политология. 2015. № 3. С. 73.

⁴ См., например: Курочкин А. В., Антонов Г. К. Концепция сетевого общества в системе социального знания // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 12. С. 16.

⁵ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 501—502.

формационных потоков, товаров и людей, что тоже способствует нивелированию идеи нации-государства («твердого государства» — «бильярдного шара», как общепризнанной нормы со времен Вестфальского мира 1648 г., С. Хантингтон). В результате национальное государство в какой-то степени утрачивает суверенитет, превращаясь в часть международного правопорядка, тон в котором задают международные политические структуры. Истоки такой позиции лежат, видимо, в общей направленности либеральных ценностей и соответствующего мышления, выраженного еще классическим либерализмом XIX в. В это время появляются и популяризируются идеи «государства — ночного сторожа», оценки государства как «зла, пусть и необходимого».

Идеи о сетевом государстве в контексте юридического мышления

Идеи о «новой геометрии власти» и сетевом государстве, в которое постепенно превращаются национальные бюрократические государства, находят отклик в современном отечественном социогуманитарном знании. Всё чаще термин «сетевое государство» стал встречаться и в работах ученых-юристов, предложена модель виртуального сетевого государства, в котором коммуникации осуществляются в основном в электронной форме, само государство может быть описано при помощи прежде всего сетевых характеристик и в меньшей степени — через иерархическую вертикаль управления⁶. Высказываются также идеи о том, что сетевые структуры являются более эффективными и перспективными, чем иерархические, вертикальные, поэтому они могут быть восприняты в государственном строительстве.

В юридических науках, однако, не спешат безоговорочно признавать такие подходы к современной государственности. Юридическое мышление привыкло оперировать в большей

степени теми формулировками, которые находят отражение в законодательстве, а там сетевая терминология отсутствует. Многие процессы, которые описываются в рамках концепции сетевого государства, подвергаются правовому регулированию, но при этом упор делается на закрепление прав и обязанностей соответствующих субъектов, на механизмы их реализации, и здесь в сетевой терминологии нет большой необходимости.

Далее, для юристов принципиальны идеи о суверенности государственной власти. Верховенство власти государства внутри страны и ее независимость от внешних властей закреплены конституционно, это предполагает самостоятельность принятия государственно-властных решений; именно в силу суверенности государство в лице своих органов и должностных лиц издает обязательные к исполнению нормативные и индивидуальные правовые акты, имеет право на легитимное принуждение и т.д. В юридической науке традиционно исходят из ведущей роли государства в политической системе общества, указывая на то, что государство как суверенная власть определяет правила игры, устанавливая правовой статус всех иных субъектов политической деятельности, обязательные требования и процедуры.

Изменяет ли сетевизация общественных отношений представления о государстве? Безусловно изменяет, но настолько ли кардинально, что следует говорить о сетевом государстве и растворении вертикали власти в сетевых коммуникациях? Навряд ли. У того же М. Кастельса можно прочесть о специфике государства, выходящей за пределы «сетевой логики».

По мнению Я. ван Дейка, еще одного популярного идеолога сетевого общества, не происходит обязательного растворения власти в сетевых отношениях. Наоборот, сильное государство, и здесь можно в пример привести Китай, вполне способно контролировать сети и с их помощью добиваться еще большей концентрации власти в своих руках⁷.

⁶ Голоскоков Л. В. О правовой доктрине виртуального сетевого инновационного государства // Публичное и частное право. 2014. № 2 (22). С. 22.

⁷ Курочкин А. В., Антонов Г. К. Указ. соч. С. 16.

Отечественными авторам сетевое государство иногда характеризуется в качестве термина нового, но не имеющего принципиальной новизны по сравнению с уже известными смыслами; и даже едва ли не как угроза государственности (буквально: «не как отдаленная перспектива, а как реальная угроза для конституционных основ Российской Федерации»⁸).

Авторитетная критика сетевого государства дана Л. С. Мамутом еще в 2000-х гг., его основные аргументы таковы: преувеличена роль информации как источника власти; замена вертикальных связей горизонтальными утопична; принцип иерархии, присущий любой организации и организованности как таковой, активно используется и в гражданском обществе, и в частном секторе, он остается универсальным принципом построения любых организованных систем. Вывод Л. С. Мамута закономерен: «Говорить о пришествии эпохи пока что весьма гипотетических “сетевых государств” очень рано»⁹. При справедливости этого вывода следует, естественно, отметить, что юридическая наука не может совершенно игнорировать идеи сетевизации общественных отношений и политической власти.

Сети и сетевая организация власти: pro et contra, надежды и риски

Один из принципиальных аргументов сторонников сетевизации — утверждение о том, что иерархические организации и вертикали власти исчерпали свой потенциал и не способны адаптироваться к новым условиям. «Вертикальное» управление менее эффективно, решения принимаются медленно, нет вариативности, они не вполне адекватны намного более многомерному обществу и т.д.

Иерархии устойчивы, легко восстанавливаются, обеспечивают последовательное движение

информации, устанавливают свои принципы и правила. Но иерархическая структура ресурсоемка при необходимости изменений, она имеет тенденцию к увеличению количества иерархических ступеней, что затрудняет движение информационных потоков, принятие решений и действий в режиме реального времени. Сети предпочтительнее, чем иерархии, они свободны и нейтральны; они распределяют принятие решений и децентрализуют их исполнение; это наиболее подвижные и адаптивные формы организации, способные развиваться вместе со своим окружением и эволюцией отдельных частей. Высокая адаптивность и мобильность сети проявляется и в возможности быстрых преобразований малоэффективных частей. Отмечаются и негативные моменты сетевой организации: сложности в координировании функций, в сосредоточении ресурсов на определенной цели, в управлении решением сложных задач за рамками определенного размера сетей. Оптимистичный взгляд на перспективы сетевой организации исходит из принципиальной возможности скоординировать усилия в сложных интерактивных системах с обратной связью и внутренними коммуникациями¹⁰.

Следует, однако, отметить, что достоинства сетевой организации в применении к политической сфере выглядят не столь однозначно. Конечно, представители и ортодоксального, и существующего в десятках интерпретаций современного марксизма могли бы указать на сомнительные представления о некой самопроизвольности действий, системы прямых и обратных связей в рамках сетевой парадигмы. В подобных представлениях как бы исчезает активно действующий субъект, чье поведение обусловлено прежде всего социально-экономическими факторами и интересами.

Далее, сетевое общество объективно демократизирует управление в нем, но в той же пропорции возрастают риски и угрозы, которые

⁸ Князев Г. А. Конфедерации прошлого — сетевые государства будущего? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 5 (280). С. 43, 51.

⁹ Мамут Л. С. «Сетевое государство»? // Государство и право. 2005. № 11. С. 12.

¹⁰ Коробейникова Л. А., Гиль А. Ю. Сетевые структуры в глобальном мире // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 4 (24). С. 103—105.

становятся чрезвычайно многовариантными, гибридными; внешние угрозы проецируются на внутризкономическую и политическую ситуацию, и наоборот; к традиционным опасностям добавляются новые, связанные с развитием цифровых технологий. В условиях ускорения социально-политической динамики в значительной степени возрастает интенсивность контактов и объем коммуникативных связей; но это влечет и явное перенасыщение информацией каналов этих взаимодействий. Информационно-коммуникативные технологии обладают значительным потенциалом целенаправленного манипулирования общественным сознанием, в том числе и политическими предпочтениями граждан. Сетевые технологии несут новые возможности по развитию форм политического участия, но нельзя прогнозировать однозначно положительную динамику; сети могут быть неустойчивы, ненадежны, всегда есть риск технических ошибок; сети могут быть «взломаны» и т.д., и избежать этих рисков полностью невозможно (Я. ван Дейк). Возможны, таким образом, неоднозначные оценки перспектив глобальной сетевизации: «Ниоткуда не следует, что сетевое информационное общество — более продвинутая парадигма по сравнению с парадигмой модернити; у истории было много “петель”»¹¹.

Абсолютизация сетевых идей усиливает характерные для современного мира аспекты децентрализации власти, множественности политического участия, что объективно влечет снижение роли государства, открывает возможности для неконструктивной деятельности бизнес-элит, для внешнего влияния на политику любого национального государства. Сетевые подходы могут создавать условия для нивелирования аспекта суверенности национальной государственности, для активного вмешательства извне и поддержки возможных протестных движений внутри страны.

В юридических исследованиях отмечается, что та же идея сетевого государства предпола-

гает децентрализацию власти, но эта децентрализация может привести к приватизации власти, утрате ее публичного характера и «уходу в тень». Постоянная вариативность, подвижность сетевой структуры ослабляют авторитет власти, и здесь велик соблазн поддерживать этот авторитет силовыми методами. Вообще, концепция сетевого государства, по мнению Г. А. Князева, рассчитана не на выход из кризиса государственности, а на его перманентное воспроизводство; сеть является формой самоорганизации хаоса, и, чтобы появилась сеть, нужно создать хаос¹².

В силу сказанного для юриспруденции принципиальным является сочетание сетевых идей с идеями суверенности и управляемости страны.

Современное государство в условиях сетевой реальности в представлениях юридической науки

Для восприятия и оценки концепции сетевой государственности имеет значение и общий подход к пониманию института государства, и здесь в отечественном юридическом мышлении есть определенные особенности.

Западная политико-правовая наука, многие современные положения которой формировались в светском варианте в XVII—XVIII вв., ориентировалась на договорные теории государственной власти, в соответствии с которыми государство признавалось возникающим из общего согласия; государство — это население, народ, проживающий на определенной территории и подчиняющийся власти, общим законам. Сообразно этому государство характеризовалось в триаде признаков — население, территория, власть. Такое понимание государственности было основным и в нашей дореволюционной юридической литературе (XIX — начало XX в.). Однако далее, уже в рамках марксизма, в отечественной юридической традиции утверждается понимание государства прежде всего как орга-

¹¹ Назарчук А. В. Указ. соч. С. 61—75 ; Михайленок О. М. Задачи формирования социального государства и динамика политических отношений в условиях становления сетевого общества (вместо введения) // Согласие в обществе как условие развития России : сборник. М., 2017. С. 17—19.

¹² Князев Г. А. Указ. соч. С. 47, 49.

низации публичной власти, представленной в системе органов, обладающей суверенитетом и действующей на определенной территории. Здесь государство — организация власти, «машина» власти, механизм, аппарат управления обществом, выраженный в иерархии государственных органов. За последние десятилетия отечественные подходы к государственности не изменились, в современной юриспруденции государство предстает прежде всего организацией власти. Конечно, договорная теория и государство как «население, территория, власть» в большей степени коррелируют с идеями сетевого государства.

В современных юридических исследованиях есть постановка проблемы сети и системы как принципиальной проблемы исторической эволюции политической власти (концептуально — в работах И. А. Исаева¹³). Иерархической структуре общества доиндустриальной эпохи, основанного на земельной аристократии, соответствует государство-машина; а формирующимся сетевым структурам — сетевизация политической сферы.

Таким образом, ориентируясь на сетевую парадигму, признавая правомерность исследования сетевого общества, юридическая наука в целом скептически относится к идее сетевого государства. Скорее речь следует вести о государстве «в сетевом формате», т.е. о государстве, действующем в условиях сетевого общества¹⁴, о сетевых стратегиях, сетевом, цифровом управлении¹⁵ и т.д. Здесь, как представляется, юриспруденция вполне может воспринимать разработки иных общественных наук — социологии, политологии, науки управления и др. — о преимуществах и недостатках сетевых стратегий. В плане взаимодействия науки могут быть актуальны стыковые исследования.

Однако сетевой подход, как можно предполагать, не растворит в себе традиционные

отрасли научного знания, а скорее, наоборот, растворится в них, дополняя традиционные методы исследования. «Сетевое» измерение не поглощает все срезы социальной реальности; система ее традиционных координат продолжает существовать. Сетевые подходы в юриспруденции вполне вписываются и в юриспруденцию, традиционно сложившуюся отрасль научного знания со своей постановкой классических проблем.

Юридическая наука, в целом ориентируясь на приоритеты суверенности и иерархичности, тем не менее имеет свои традиции в исследовании децентрализации политической власти, усложнения властеотношений. Более того, юристы, связанные необходимостью развития правового регулирования и юридической практики, могут оперативнее замечать те или иные события и процессы и быстрее реагировать на них; но в науке, законодательстве и практике это отражается в свойственной юриспруденции терминологии. Сетевая методология вполне органично может быть включена в методологический инструментарий юриспруденции; но при этом открытыми и вариативно разрешаемыми остаются вопросы о степени использования сетевых подходов в исследовании государства.

Идеи децентрализации политической власти, которые несет в себе концепция сетевого общества, идеи растворения института государства среди других субъектов политической деятельности и сетевого государства слабо поддерживаются в современной юридической науке, которая не может согласиться с подходами, фактически игнорирующими аспект суверенности государственной власти. Государство остается государством, действующим в сетевом обществе, в сетевом формате, с использованием сетевых коммуникаций и т.д. Тем не менее анализ сетевых взаимодействий социальной и политической реальности также является вполне правомер-

¹³ Исаев И. А. Рождение властных технологий: иерархия и «сеть» // История государства и права. 2019. № 5. С. 11—16.

¹⁴ Голоскоков Л. В. Государство и право в сетевом и цифровом формате // Вестник Академии Следственного комитета РФ. 2019. № 3 (21). С. 32—36.

¹⁵ См., например: Кравченко А. Г. Концепция сетевого управления государством в России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 1. С. 48—50.

ным, он может быть дополнен любыми другими подходами. В то же время многие проблемы теории сетевого общества и сетевизации деятельности государства юридическая наука отражает в собственной терминологии при разработке идей

демократии, политических прав и политического участия, представительства, разделения властей, федерализма, местного самоуправления, при анализе процессов информатизации и цифровизации политико-правовой системы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Голоскоков Л. В.* Государство и право в сетевом и цифровом формате // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2019. — № 3 (21). — С. 32—36.
2. *Голоскоков Л. В.* О правовой доктрине виртуального сетевого инновационного государства // Публичное и частное право. — 2014. — № 2 (22). — С. 20—36.
3. *Исаев И. А.* Рождение властных технологий: иерархия и «сеть» // История государства и права. — 2019. — № 5. — С. 11—16.
4. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
5. *Князев Г. А.* Конфедерации прошлого — сетевые государства будущего? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2008. — № 5 (280). — С. 33—52.
6. *Коробейникова Л. А., Гиль А. Ю.* Сетевые структуры в глобальном мире // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2013. — № 4 (24). — С. 99—107.
7. *Кравченко А. Г.* Концепция сетевого управления государством в России // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2012. — № 1. — С. 48—50.
8. *Курочкин А. В., Антонов Г. К.* Концепция сетевого общества в системе социального знания // Общество: социология, психология, педагогика. — 2016. — № 12. — С. 14—17.
9. *Мамут Л. С.* «Сетевое государство»? // Государство и право. — 2005. — № 11. — С. 5—12.
10. *Михайленок О. М.* Задачи формирования социального государства и динамика политических отношений в условиях становления сетевого общества // Согласие в обществе как условие развития России: сборник / под ред. О. М. Михайленка, В. В. Люблинского. — М.: Институт социологии РАН, 2017. — С. 5—22.
11. *Назарчук А. В.* Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. — 2008. — № 7. — С. 61—75.
12. *Павлютенкова М. Ю.* Роль и место социальных сетей в публичной политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2015. — № 3. — С. 71—81.

Материал поступил в редакцию 2 июня 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Goloskokov L. V. Gosudarstvo i pravo v setevom i cifrovom formate // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. — 2019. — № 3 (21). — S. 32—36.
2. Goloskokov L. V. O pravovoj doktrine virtual'nogo setevogo innovacionnogo gosudarstva // Publichnoe i chastnoe pravo. — 2014. — № 2 (22). — S. 20—36.
3. Isaev I. A. Rozhdenie vlastnyh tekhnologij: ierarhiya i «set'» // Istoriya gosudarstva i prava. — 2019. — № 5. — S. 11—16.
4. Kastel's M. Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura / per. s angl. pod nauch. red. O. I. Shkaratana. — M.: GU VShE, 2000. — 608 s.

5. Knyazev G. A. Konfederacii proshlogo — setevye gosudarstva budushchego? // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. — 2008. — № 5 (280). — S. 33—52.
6. Korobejnikova L. A., Gil' A. Yu. Setevye struktury v global'nom mire // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. — 2013. — № 4 (24). — S. 99—107.
7. Kravchenko A. G. Konceptiya setevogo upravleniya gosudarstvom v Rossii // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. — 2012. — № 1. — S. 48—50.
8. Kurochkin A. V., Antonov G. K. Konceptiya setevogo obshchestva v sisteme social'nogo znaniya // Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. — 2016. — № 12. — S. 14—17.
9. Mamut L. S. «Setevoe gosudarstvo»? // Gosudarstvo i pravo. — 2005. — № 11. — S. 5—12.
10. Mihajlenok O. M. Zadachi formirovaniya social'nogo gosudarstva i dinamika politicheskikh otnoshenij v usloviyah stanovleniya setevogo obshchestva // Soglasie v obshchestve kak uslovie razvitiya Rossii : sbornik / pod red. O. M. Mihajlenka, V. V. Lyublinskogo. — M. : Institut sociologii RAN, 2017. — S. 5—22.
11. Nazarchuk A. V. Setevoe obshchestvo i ego filosofskoe osmyslenie // Voprosy filosofii. — 2008. — № 7. — S. 61—75.
12. Pavlyutenkova M. Yu. Rol' i mesto social'nyh setej v publichnoj politike // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya : Politologiya. — 2015. — № 3. — S. 71—81.